

ЭКСПЕРТ

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

Эксперт #25 (472) от 4 июля 2005

Китай справился с голодом и нищетой, превратился в серьезный центр влияния в мировой экономике. Внешнеполитическая экспансия Поднебесной только формируется. России важно не дать использовать себя для укрепления глобального конкурента

Ольга Власова, Владимир Попов (профессор Российской экономической школы (РЭШ), доктор экономических наук), Алексей Хазбиев

На прошлой неделе в Москву с официальным визитом приехал председатель КНР **Ху Цзиньтао**. Отношения России и Китая становятся все более интенсивными -- это уже четвертый визит китайского лидера в Россию. На сегодняшней повестке дня: обсуждение мер по поддержанию стабильности и безопасности в Среднеазиатском регионе, последние события в Узбекистане и Киргизии, строительство нефтепровода из России в Китай, а также вопросы поставки нефти и электроэнергии.

На момент сдачи номера в печать результаты переговоров еще не были известны. Поэтому мы решили сосредоточиться на обсуждении роли и места Китая в современном мире и тех задач, которые стоят сейчас перед этой страной. Такой анализ может существенно прояснить вопрос, зачем, собственно, председатель Ху приезжал в Москву.

Возвращение лидерства

Согласно последним оценкам Мирового банка, Китай сегодня имеет вторую в мире по размерам после США экономическую систему (Россия -- десятую). ВВП КНР, рассчитанный по паритету покупательной способности юаня, приближается к 7 трлн долларов. Добавленная стоимость, производимая Штатами, составляет 10,5 трлн долларов в год, Россией -- 1,3 трлн. Что касается ВВП на душу населения, то исходя из вышеприведенных абсолютных оценок ВВП Китая можно заключить, что в 2002 году среднедушевой доход жителей КНР составлял 4,5 тыс. долларов против почти 36 тыс. в США и 8,3 тыс. в России.

Однако каждому, кто в последние годы был в Китае, как-то не очень верится, что эта страна почти вдвое беднее России и почти в десять раз беднее США. Да это и не согласуется с соотношениями темпов роста в последние 25 лет и уровнем развития Китая в дореформенные 70-е годы в сравнении с США: тогда, по весьма авторитетным оценкам, душевой доход в Китае составлял 7-8% от американского уровня. Скорее всего ВВП на душу в Китае сегодня примерно такой же, что и у нас, и составляет 15-20% от американского уровня.

Через 20 лет при сохранении существующих тенденций (10% роста в Китае, 5 у нас и 3 в США) китайский ВВП на душу будет составлять более 50% американского и почти втрое превышать российский уровень. По абсолютному же размеру экономики Китай сможет примерить "желтую майку" лидера мира еще раньше -- через 10-15 лет.

Чудо? Сенсация? В общем, нет. Речь идет всего-навсего о восстановлении лидерства Китая в мировом хозяйстве после досадной двухсотлетней паузы, связанной с открытием этой доселе замкнутой страны англичанами и разорительной колониальной эпохой, а потом зализыванием ран. В 1820 году, накануне "опиумных войн", на долю Китая приходилось треть мирового ВВП. В 1950 году, сразу после восстановления независимости, -- всего 5% мирового ВВП. С тех пор эта доля медленно, но неуклонно растет. Сейчас ВВП Китая составляет уже 12% общемирового. К 2025 году эта цифра удвоится, к середине столетия вполне может вернуться на уровень начала девятнадцатого века. Что такое 200 лет в пятитысячелетней истории Среднего царства?

Мгновение, миг.

Конечно, нынешние тенденции могут быть сломаны. Многочисленные скептики считают, что Китай стоит на пороге крупных социальных потрясений, связанных с неминуемой демократизацией страны. Так, лондонский *The Economist* предсказывает Китаю потрясения и замедление роста уже без малого 25 лет, а он все растет по 8-10% в год -- как до подавления студенческой демонстрации на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, так и после, как до азиатского кризиса 1997 года, так и после. Растет при инфляции и даже при дефляции, снижении цен в 1998-2002 годах. Это вообще беспрецедентный случай в мировой экономической истории.

Представьте все-таки на минуту, что тенденции продолжатся. Что мы тогда упустим, ориентируя российскую экономику не на Восток, а на Запад? В АСЕАН, объединяющей десять стран Юго-Восточной Азии с населением более 500 млн, уже введена свободная торговля, идет образование огромной восточноазиатской интеграционной группировки АСЕАН+2 (включая Китай и Южную Корею) и АСЕАН+3 (еще и Япония). Это будет самая большая в мире зона свободной торговли и по населению, и по ВВП. А наши СМИ про нее даже и не пишут.

В странах АСЕАН уже давно деловая жизнь контролируется китайскими олигархами (кроме Вьетнама -- по историческим причинам, из-за войны 1979 года). В Японии почти все, а в Корее вообще все образованные люди читают китайские иероглифы, так что уже известно, на каком языке будут говорить в новом экономическом центре мира. А мы никак не хотим учить китайский.

В 2004 году по объему привлеченных прямых иностранных инвестиций Китай с 53 млрд долларов занял первое место в мире, обогнав США. Что станет через двадцать лет со страной, у которой уже сейчас один город -- Шанхай -- за год получает больше прямых иностранных инвестиций, чем вся Россия? В которой доля инвестиций в ВВП приближается к 50% и которая строит каждый год больше, чем мы со всем объемом основных фондов? Да, именно так -- год прошел, построили одну Россию, два года -- две, десять лет -- десять. Одних автодорог на одном только китайском западе, где проживает менее 10% китайского населения, было построено в 2002 году 40 тыс. км, в то время как во всей России строится в последнее время 5-6 тыс. км в год.

Китай производит более половины фотоаппаратов в мире, 30% кондиционеров и телевизоров, 25% стиральных машин и 20% холодильников.

Китайский экспорт растет бешеными темпами, вот уже четвертое десятилетие в среднем по 15-20% в год, и даже не с начала рыночных реформ, а с начала 70-х годов. В 70-е годы экспорт исчислялся несколькими миллиардами долларов, теперь счет пошел на сотни миллиардов. Вместе с Гонконгом экспорт Китая сегодня составляет 420 млрд долларов -- четвертое место в мире после США, Германии и Японии. Экспортная квота в ВВП (29%) тоже весьма солидная, характерная для открытых экономик (правда, у России она еще выше -- 35%). Доля Китая в мировом экспорте в 70-е годы не доходила и до 1%, а сейчас превышает 4%. Экспортная экспансия Китая еще более усилилась после вступления страны в ВТО в 2001 году.

Если в конце 80-х китайский экспорт в массе своей был представлен дешевыми одеждой, обувью и потребительскими товарами, то сейчас все выглядит иначе. Постоянно растет доля сложной электроники, техники, оборудования. Например, на выпускаемых американскими компаниями компьютерах сейчас пишут: "Сконструирован в США, произведен в Китае". Причем даже процесс конструирования тоже постепенно уходит в Китай. В прошлом году китайская компания Lenovo приобрела у американской IBM ее подразделение по выпуску компьютеров за 1,7 млрд долларов, в июне 2005 года китайская компания по выпуску бытовой техники Haier за 1,28 млрд долларов приобрела американскую Maytag. Китайские компании даже проявляли интерес к покупке обанкротившегося британского автомобилестроителя Rover, однако сочли, что производить автомобили в Китае все-таки дешевле. Точно так же считают и западные автомобильные компании, которые стали производить свою продукцию в Китае не только для внутреннего рынка, но и на экспорт. В июне первая партия произведенных в Поднебесной автомобилей Volkswagen ушла на экспорт в Германию.

Все чаще крупнейшие мировые фирмы не только переносят производство в Китай, но и переводят туда свои научно-исследовательские подразделения. И неудивительно: зарплата компьютерных инженеров, которых ежегодно десятками тысяч "производят" китайские университеты и квалификация которых не уступает мировой, составляет всего лишь одну треть от японской. К концу 2000 года 29 ведущих транснациональных компаний, в том числе американские IBM и Microsoft, французская Alcatel, финская Nokia, японские Mitsubishi, Matsushita, Toshiba, Honda и Yamaha, имели исследовательские подразделения в Китае с числом инженеров от нескольких сотен до нескольких тысяч.

Впрочем, не становится ли Китай лишь удобным недорогим придатком мирового хайтека? Ведь в прошлом году 55% всего китайского экспорта и 75% экспорта компьютеров и частей к ним пришлось на иностранные компании, действующие в Китае. Доля расходов на НИОКР в ВВП Китая всего 1% против 3% в Корее и Японии. А по числу научных работников в расчете на 1 млн населения Китай почти в пять раз отстает от Кореи и в восемь от Японии.

На самом деле Китай, видимо, просто экономит силы, используя более дешевую стратегию создания высокотехнологичного сектора, нежели в свое время Корея и Япония. Они не полагались на прямые иностранные инвестиции, а Китай полагается, так что при малых затратах на собственные НИОКР может заимствовать технологию и производить массу наукоемких изделий. По доле расходов на информационные и коммуникационные технологии в ВВП (5%) Китай уже мало уступает Корее (7) и Японии (8). А по доле наукоемких товаров в экспорте изделий обрабатывающей промышленности, которая увеличилась с 6 до 23% всего за десять лет -- с 1992-й по 2002 год, -- почти что догнал Японию.

Упрямый юань

Вот уже несколько лет США добиваются повышения курса юаня. В 2003 году Джон Сноу, министр финансов США, специально поехал в Китай, чтобы убедить руководителей восходящей сверхдержавы повысить курс национальной валюты. Схожие требования США и МВФ предъявляют и другим странам Восточной Азии. Фред Бергстен, директор Вашингтонского института мировой экономики, жалуется, что азиатские страны, занижающие валютный курс через накопление валютных резервов, не выполняют своей роли в процессе глобальной структурной перестройки, которая необходима для снижения американского торгового дефицита.

Америка считает, что Китай растет за счет США -- за счет искусственного занижения стоимости своих товаров, экспортируемых в огромных количествах на американский рынок (дефицит США в торговле с Китаем в нынешнем году, видимо, превысит 150 млрд долларов -- больше, чем весь российский экспорт). Китайский профицит возвращается в США в виде вложений растущих китайских резервов в облигации американского казначейства. Иностранные кредиторы держат сейчас 1/3 американского госдолга, причем доля азиатских инвесторов в ежегодных покупках долговых обязательств американского правительства иностранцами составляет 40% (европейских инвесторов -- 43%). Если азиатские страны (или даже только Китай) откажутся покупать американские облигации (скажем, из-за очередного теракта в США), процентные ставки в США возрастут, уровень производства и реальных доходов снизится, доллар резко подешевеет, -- только так можно будет улучшить торговый баланс. Идея американских властей зиждется на постепенном удорожании юаня в сравнении с долларом, это удорожание должно снизить американский импорт из Китая и стимулировать американский экспорт в Китай.

История, как обычно, повторяется. В 80-е годы при Рейгане, когда тоже возрос дефицит торгового баланса США, главным виновником была признана Япония. Ее убедили ревальвировать иену: по "Плаза-соглашению" 1985 года курс иены вырос почти в два раза -- с 239 иен за доллар в 1985 году до 128 в 1988-м. В 90-е годы роста в Японии практически не было, причем многие экономисты объясняют это именно ревальвацией второй половины 80-х годов.

Почему Китай так быстро накапливает валютные резервы -- с менее 5 млрд долларов в 1978 году

до почти 700 млрд сегодня (не считая 120 млрд в Гонконге)? Почему быстро накапливали резервы Япония (с менее 2 млрд долларов в начале 60-х годов до более 850 млрд сегодня), Тайвань, Корея, страны Юго-Восточной Азии (на Азию сейчас приходится почти 2/3 всех валютных резервов мира)? Ведь накопление резервов, как и накопление любых запасов, связано с издержками -- с ограничением потребления. Больше того, резервы вкладываются обычно в самые надежные и ликвидные ценные бумаги -- краткосрочные казначейские векселя западных стран, процент по которым низок, так что альтернативные издержки хранения резервов высоки.

На самом деле занижение валютного курса через накопление резервов является мощным инструментом форсированного развития. По сути это неселективная промышленная политика стимулирования роста.

Занижение курса через накопление резервов ведет к снижению импорта и к переключению спроса на отечественные товары.

Накопление резервов не является ни необходимым, ни достаточным условием роста. В стране может быть плохой инвестиционный климат или того хуже -- идет война, так что, несмотря на накопление резервов, темпы роста отрицательные. А может быть, как в развитых странах, при хороших институтах и работающем рынке, можно выйти на оптимальную траекторию роста и без потерь в виде накопления валютных резервов. Тем не менее для стран, которым трудно добиться повышения темпов роста другими мерами и которые не могут быстро создать эффективные рыночные институты, накопление резервов часто оказывается последним доступным средством стимулирования роста. По сути дела, в современном мире, где протекционистские тарифы уже не играют прежней роли, накопление резервов оказывается одним из мощнейших инструментов промышленной политики, защищающей внутренний рынок, стимулирующей экспорт и экономический рост.

Должен ли сегодня Китай помогать США -- своему главному сопернику на мировой арене? Ответ очевиден.

Банковская чистка

"В том, что Китай не хочет проводить немедленную девальвацию, имеется экономический смысл. Правительство хочет сначала запустить в действие рыночные механизмы финансовой системы и сделать работоспособной банковскую систему, для которой серьезной проблемой являются долги", -- сказал "Эксперту" **Энди Си**, экономист банка Morgan Stanley. А без оздоровления банковской системы Китая, похоже, не обойтись. Согласно условиям членства страны в ВТО, рынок финансовых услуг этого государства должен быть полностью открыт для иностранной конкуренции в конце 2006 года. И тогда вопрос жизнеспособности местных финансовых институтов встанет особенно остро.

Для стимулирования банковской системы еще в 1999 году правительство Китая перевело проблемные активы на сумму 169 млрд долларов из четырех ведущих государственных банков в четыре государственные компании по управлению активами. В 2004 году перед банками была поставлена задача контроля общего роста кредитов. В мае 2005-го рост объемов кредитования составил всего 11,6% (в мае 2004-го -- 21,1%). Среди крупнейших китайских банков Bank of China (BOC) и China Construction Bank (CCB) сообщили о снижении в первом квартале 2005 года доли "плохих" кредитов до 5,1 и 3,7% соответственно. За год до этого доля проблемных кредитов в обоих банках была заметно выше -- 16,3 и 9,1%.

Как заявил **Ли Йонг**, замминистра финансов Китая, для рефинансирования государственных банков правительство может использовать средства из валютного резерва страны, в котором к лету 2005 года было накоплено 650 млрд долларов. Китайское правительство еще в 2003 году перевело 45 млрд долларов из валютного резерва в государственную инвестиционную компанию Central Huijin Investment для рефинансирования государственных банков. В эту же инвестиционную компанию в 2005 году может быть переведено еще 30 млрд долларов -- прежде всего для

рефинансирования Industrial and Commercial Bank, одного из китайских государственных банков "большой четверки", в котором доля "плохих" кредитов составляет 19,1%.

В конце 2005 года ожидается листинг ВОС и ССВ на зарубежных биржевых площадках. А уже в конце следующего года иностранные банки смогут получать лицензии на банковскую деятельность в КНР.

Сырьевой пылесос

Благодаря промышленному росту за последние годы Китай превратился в одного из ведущих импортеров сырьевых товаров, и спрос на сырье продолжает быстро расти. На Китай приходится почти 8% мирового потребления нефти, 10% электроэнергии, без малого 20% алюминия и меди, 27% стали, почти треть мирового потребления угля и хлопка.

Экономический рост Китая оказывается очень материалоемким и энергоемким -- по той простой причине, что значительную часть роста обеспечивают металлургия, нефтепереработка, химическая промышленность. И при том что своих ресурсов явно не хватает, энергетические потребности страны постоянно растут. Китай производит 3,5 млн баррелей нефти в сутки, а суммарное потребление нефти сейчас составляет 5,9 млн баррелей в сутки. Уже в 2003 году Китай обошел Японию и стал вторым крупнейшим импортером нефти в мире после США. Потребление энергоресурсов, в особенности нефти, будет и дальше очень быстро расти. По прогнозам американского минэнерго, к 2025 году китайская экономика будет потреблять около 12,8 млн баррелей в сутки, из которых 9,4 млн придется на импорт.

Резкий рост потребления нефти Китаем в последние два года стал одним из ключевых факторов увеличения цен на нефть. Желая обеспечить свои растущие энергетические потребности, Китай пытается гарантировать себе поставки нефти, перенаправив на себя многие транспортные потоки. Это должно уменьшить региональный дефицит и привести к постепенному успокоению нефтяных рынков.

Именно это объясняет чрезвычайно активный интерес Китая к энергетическим проектам за его пределами. В мае 2004 года китайская нефтяная компания CNPC, которой принадлежат месторождения в западном Казахстане, подписала с казахской "Казмунайгаз" соглашение о строительстве нефтепровода, по которому казахстанская нефть пойдет в Китай, обеспечивая для начала 200 тыс. баррелей нефти в сутки. Китай уже несколько лет импортирует российскую нефть по железной дороге и неоднократно заявлял о своем интересе в строительстве трубопровода из России к себе. Однако российские власти предпочли вариант с нефтепроводом до побережья Японского моря, что хотя и дает доступ на рынки сразу нескольких стран, потребует гораздо более масштабных затрат и многих лет строительства.

Китай также пытается закрепить свои позиции на энергетическом рынке за счет поглощений иностранных компаний. Еще в 2002 году китайская CNPC объявляла о своем интересе к приватизации "Славнефти", но не была допущена к аукциону. В 2004 году, по неофициальной информации, китайские нефтяные компании проявляли интерес к активам ЮКОСа. А в июне 2005 года китайская СНООС предложила 18,5 млрд долларов за американскую нефтегазовую компанию Upocal, имеющую добывающие подразделения в соседних с Китаем странах Юго-Восточной Азии. Таким образом СНООС пыталась превзойти предложение Chevron, который был согласен отдать за Upocal 18 млрд долларов. Сделка вызвала бурную реакцию в Вашингтоне: предложение китайской компании по причине того, что СНООС контролируется иностранным правительством, было заблокировано правительством США, а слияние с Chevron -- одобрено.

Военные амбиции

Нельзя сбрасывать со счетов и военные амбиции Китая, обладающего ядерным оружием и самой многочисленной сухопутной армией в мире. На XVI съезде компартии в Пекине председатель КНР Ху Цзиньтао заявил, что через двадцать лет страна намерена сделать свою армию одной из

самый мощных и современных в мире. За это время китайцы должны не только научиться клонировать российские и американские разработки, но и собственными силами создать широкую гамму военной техники, превосходящую по своим характеристикам все разрабатываемые сейчас в мире аналоги. Для этого Китай ежегодно увеличивает расходы на оборону в среднем на 12-15%. В этом году военный бюджет КНР, по данным Пентагона, превысит уже 70 млрд долларов. Причем как минимум половина этих средств достанется китайскому ВПК и пойдет на закупку вооружений за границей. По словам председателя госсовета КНР Вэнь Цзябао, в 2005 году КНР сократит свою армию с 2,5 до 2,3 млн человек, а высвободившиеся средства направит на новые закупки военной техники.

Сейчас по степени оснащенности современным оружием НОАК отстает от американских вооруженных сил примерно на 20 лет, но этот разрыв постоянно сокращается. По словам профессора Вашингтонского университета Дэвида Шаубмаха, за последние пять лет китайской армии удалось добиться большего, чем за предыдущие четверть века. И если сейчас из 2,5 тыс. истребителей, состоящих на вооружении ВВС НОАК, примерно 350 отвечают нынешним условиям ведения воздушных боев, то уже к 2010 году их количество возрастет до 500. При этом, по словам министра обороны США Доналда Рамсфелда, уже через десять лет у Китая будет тысяча баллистических ракет с ядерными боеголовками, нацеленных в том числе и на США. И это очень похоже на правду. Только за последнее десятилетие Китай принял на вооружение 610 баллистических ракет.

Партнер "второго эшелона"

Китайско-российское экономическое сотрудничество идет довольно вяло. И если для России объемы экспорта довольно значительные (сырье и вооружение, в основном самолеты СУ-30МК), то для Китая они в общем-то малозаметны. В 2004 году наш товарооборот с восточным соседом составил 15 млрд долларов. Просто мизер. С каждым из своих ведущих торговых партнеров -- США, Японией, Евросоюзом, странами АСЕАН и Южной Кореей -- Китай имеет товарооборот свыше 100 млрд долларов в год.

Есть, правда, крупные инфраструктурные проекты, однако существенно приблизить российско-китайскую торговлю к китайско-американскому или китайско-японскому уровню они не смогут. По нефтепроводной ветке на Китай даже после 2010 года -- если она вообще будет построена, ведь основным маршрутом окончательно выбран вариант до Находки, и заработает на полную мощность, -- планируется перекачивать 30 млн т нефти ежегодно (это порядка 4 млрд долларов). А все потребности Китая в импорте газа после 2010 года оцениваются в 20-30 млрд кубометров в год (3-4 млрд долларов), так что, даже если Россия будет удовлетворять их полностью, торгового бума не получится. Для сравнения: государственная китайская нефтегазовая компания Petrochina ведет сейчас строительство газопровода стоимостью 14 млрд долларов и протяженностью 4000 км из Синьцзяна в Шанхай и восточные приморские провинции. Газопровод должен быть готов уже в нынешнем году. Объем разведанных запасов газа в Китае -- 3 трлн кубов в Синьцзяне и близлежащей Таримской впадине и еще 1 трлн на континентальном шельфе; объем потребления в 2010 году оценивается в 90-100 млрд кубов, так что Китай в принципе мог бы самообеспечиваться газом несколько десятков лет, российский газ ему не особенно нужен. Как считают эксперты, труба из Ковыкты, как и обсуждающиеся проекты строительства газопроводов из Казахстана и Туркменистана к Синьцзян-Шанхайской магистрали, нужна Китаю не столько для немедленного удовлетворения потребностей в газе, сколько для стратегического привязывания этих источников топлива к своему рынку и обеспечения транзита этого газа в Корею и Японию через свою территорию.

Что касается военно-технического сотрудничества России и Китая, то оно, похоже, тоже минуло пик своего расцвета. Еще год назад на встрече с министром обороны России Сергеем Ивановым председатель госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что практика поставок готовой военной техники из России себя исчерпала, пришло время искать новые формы взаимодействия. А министр обороны КНР Цао Ганчуань предложил снять все ограничения на поставку российской военной техники в Китай и обеспечить доступ китайских специалистов к сверхсекретным ноу-хау

российского ВПК.

Сейчас наше Минобороны не считает КНР своим военным союзником, поэтому продажа некоторых видов новой российской военной техники в эту страну запрещена. При этом часть нового оружия китайцы все-таки от нас получают, но со специально пониженными боевыми характеристиками. Кроме того, Россия очень неохотно продает в Китай свой комплекс лицензий на производство сложных систем вооружений. Например, Минобороны России согласилось продать в Китай лицензию на производство истребителей Су-27, а вот передать лицензию на выпуск к ним двигателей отказалось. До последнего времени китайцев это не волновало. В силу специфики своего режима, а также международных санкций, введенных после расстрела студенческой демонстрации на площади Тяньаньмэнь, Китай не может похвастаться большим количеством поставщиков современной военной техники и вынужден покупать ее преимущественно у России. Наша оружейная торговля с Китаем строилась по принципу "бери что дают". И китайцы брали, причем много. За последние десять лет мы продали в Китай около 200 самолетов четвертого поколения, несколько дивизионов ПВО С-300 и более десятка различных кораблей и подводных лодок на общую сумму более 15 млрд долларов. Только за прошлый год экспорт российской военной техники в Китай составил почти 2,3 млрд долларов. Правда, в основном это оружие было заказано еще в 2002-2003 годах. А вот за последние полтора года ни одного нового крупного контракта с Китаем России подписать так и не удалось. Более того, не найдя понимания в российском Генштабе, Китай де-факто заморозил даже согласованные контракты на поставку российской военной техники и прекратил авансовые платежи. В частности, из 200 оговоренных в контракте комплектов для сборки истребителей Су-27СК на заводе в Шеньяне Китай заказал и оплатил всего лишь 95. По мнению замдиректора Центра анализа стратегии и технологий **Константина Макиенко**, КНР скорее всего вполнину сократит выпуск своих J-11 (местное название Су-27СК) на том основании, что этот проект устарел, а самолет исчерпал свои возможности. Примерно то же самое произошло и с двигателями. В декабре 2004 года ММПП "Салют" согласовал с Народно-освободительной армией Китая последние условия контракта на поставку 250 двигателей АЛ-31ФН для легкого китайского истребителя J-10 (аналог американского F-16), однако эта сделка так и не состоялась. Не состоялся и второй контракт на поставку 24 истребителей Су-30МК2 для китайских ВМС стоимостью более 1 млрд долларов. Всего же у российских оборонщиков сейчас зависло более полутора десятков китайских контрактов на сумму почти 3 млрд долларов.

НОАК стремится приобрести у России стратегические бомбардировщики, лицензию на производство Су-30МК2 и двигателей к ним, а также ряд других "чувствительных" вооружений. Какое решение примет **Владимир Путин** после переговоров с Ху Цзиньтао, сейчас сказать трудно. Но по косвенным признакам можно предположить, что китайцы своего добьются. На предстоящих этим летом совместных российско-китайских военных учениях "Содружество-2005" по личной просьбе **Цао Ганчуаня** с российской стороны помимо истребительной авиации будут принимать участие и стратегические бомбардировщики Ту-95МС и Ту-22М3, которые китайцы хотят оценить в деле. По словам премьер-министра Госсовета КНР **Вэнь Цзябао**, это "первый шаг к новому этапу военного сотрудничества".

В поисках своего места

Внешняя политика Китая сегодня находится в стадии обновления и становится все более активной. Еще десять лет назад подобное поведение Китая считалось маловероятным. Вплоть до последнего момента сама идея модернизации в Китае была лишена чрезмерной амбициозности. Пекин не вынашивал планов покорения мира, как это казалось многим китаефобам, его стратегической целью было восстановление своей утраченной цивилизационной самодостаточности. По мысли китайских идеологов, эта самодостаточность стала бы возможной, если бы Китаю удалось поднять уровень жизни своего населения по сравнению с 1990 годом хотя бы в 2,6 раза. Китайские политики хорошо понимали, что для успешного развития им абсолютно необходима внутренняя и внешняя политическая стабильность. Стремление к этой стабильности и определяло до последнего момента внешнюю политику Китая.

За время своего бурного роста Китаю удалось достичь многого. Бедность населения и социальные проблемы по-прежнему беспокоят страну, однако уже нет голодных, быстро растет средний класс (по разным оценкам, 300-400 млн на сегодняшний день). Реалии жизни Китая сильно изменились. Можно сказать, что он практически выполнил ту задачу, которую ставил перед собой. Дальнейший же рост и развитие требуют от руководства страны принципиально иной стратегии.

Став активным участником мировой торговли и вступив в ВТО, Китай вольно или невольно столкнулся с необходимостью отстаивания своих торговых интересов. Экспортные ограничения на многие товары, которые пытаются навязать Поднебесной некоторые страны (как раз сейчас происходит разбор жалобы ЕС на ценовой демпинг китайских обувщиков), являются серьезной угрозой для китайского экономического благополучия. И у Китая, кроме активного отстаивания своих позиций и защиты собственных производителей, другого выхода нет. Для дальнейшего роста стране нужен доступ к ресурсам: газу и нефти. Однако в существующих условиях дефицита на энергоносители этот доступ получить очень непросто. Стремление лоббировать свои нефтяные интересы вынудит Китай стать более жестким политическим игроком, который неминуемо окажется ввязанным в целую систему противовесов и блоков.

Для России изменение во внешней политике Китая означает прежде всего более активное участие Пекина в жизни сопредельных территорий, то есть Средней Азии. Одной из основных тем на переговорах председателя КНР Ху Цзиньтао в Москве стало поддержание стабильности в Средней Азии. Узбекский лидер **Ислам Каримов** буквально накануне съездил в Пекин, а затем в Москву, чтобы заручиться поддержкой обоих лидеров. "В Средней Азии у Китая есть прямые интересы. В Пекине рассматривают регион как своего рода мост во внешний мир и дорогу к миру исламскому", -- сказал "Эксперту" специалист-синолог, член совета безопасности клуба ВИИЯ КА **Дмитрий Регентов**.

С ослаблением в мире патроната США в дальневосточном регионе наблюдается обострение трений между соседями: Японией, Китаем и Южной Кореей. Стремление к доминированию в регионе и опасение усиления Японии заставляют Китай все серьезнее относиться к оснащению своих вооруженных сил. Многие эксперты говорят о возможных столкновениях внутри этого треугольника, однако, даже если вооруженных конфликтов и удастся избежать, изменившаяся ситуация так или иначе потребует от Китая наращивания своего военного могущества, что также не пройдет незамеченным среди великих держав. И Китаю придется улаживать все эти вопросы через Совет Безопасности ООН.

Все описанные ступеньки, на которые Китаю предстоит подняться, на самом деле являются частью лестницы, ведущей к статусу великой державы. И сейчас, похоже, Поднебесная начинает примеривать на себя внешнюю политику именно такого рода.

В подготовке статьи принимали участие Петр Михальчук и Михаил Чернов